МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№ 22.

Подписка принимается въ редакціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей», при Могилевской духовной семинаріи.

1 августа. Годъ III. 1885 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода

отъ 17-го декабря—8-го іюля 1884—85 года, за № 2771, по дѣлу о признаніи незаконнымъ и недѣйствительнымъ брака лица, осужденнаго на всегдашнее безбрачіе.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: а) представленныя однимъ изъ преосвященныхъ дѣло и рѣшеніе епархіальнаго начальства о признаніи незаконнымъ и недѣйствительнымъ брака лица, осужденнаго по рѣшенію духовнаго суда православнаго исповѣданія на всегдашнее безбрачіе, и б) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10-го мая сего года, за № 2227, по сему предмету. Приказали: По означенному дѣлу епархіальное начальство постановило: на основаніи 37 и 38 ст. X т., 1 ч. Св. зак. граждан. изд. 1857 г., бракъ лица, вступившаго въ оный послѣ осужденія на всегдашнее безбрачіе, признать незаконнымъ и недѣйствительнымъ и, на основаніи 1011, 1013 и 1015 ст. уст. угол. суд. 1864 г., препроводить дѣло къ прокурору мѣстнаго окружнаго суда на подлежащее разсмотрѣніе. Рѣшеніе это приведено въ исполненіе и затѣмъ, по возвращеніи прокуроромъ въ консисторію того дѣла, епархіальное на-

чальство опредѣлило: дѣло о незаконности и недѣйствительности изъясненнаго брака, согласно 215 ст. уст. дух. конс., представить, вмѣстѣ съ производствомъ консисторіи, на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Преосвященный, утвердивъ это рѣшеніе, представилъ оное Святѣйшему Синоду на усмотрѣніе. Сообразивъ вышеизложенное съ законами и принимая во вниманіе, что: а) на основаніи ст. 626 зак. о судопр. и взыск. гражд. ч. 2, т. X свода изд. 1876 г., всѣ рѣшенія епархіальнаго начальства о признаніи браковъ недѣйствительными, прежде обращенія оныхъ къ исполненію, должны быть представляемы на усмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода, и б) что по ст. 1015 уст. угол. суд., ч. 2, т. XV, свода изд. 1876 г., дѣла брачныя, въ коихъ уголовный судъ опредѣляетъ уголовную отвѣтственность подсудимыхъ, поступаютъ къ суду уголовному по окончаніи надъ виновными суда духовнаго и что посему и дѣло о бракѣ лица, вступившаго въ таковый послѣ осужденія его на всегдашнее безбрачіе, должно было поступить въ судъ уголовный не прежде, какъ по окончаніи надъ виновнымъ суда духовнаго, т. е. по утвержденіи Святѣйшимъ Синодомъ рѣшенія епархіальнаго начальства по сему дѣлу, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: предписать епархіальному начальству, сдѣлавшему при производствѣ этого дѣла отступленіе отъ исполненія требованія означенной 626 ст., чтобы оно на будущее время строго исполняло установленный закономъ для производства дѣлъ сего рода порядокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для устраненія повторяющихся и въ другихъ епархіяхъ случаевъ, подобно настоящему, неправильнаго направленія духовными консисторіями дѣлъ о бракахъ незаконныхъ и недѣйствительныхъ, дать знать объ изъясненномъ требованіи закона по духовному вѣдомству къ руководству и исполненію чрезъ припечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ».

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Перемѣны по службѣ.

Резолюціею Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго, 20-го іюля состоявшеюся, священникъ Глу-

боцкой церкви, Гомельскаго уѣзда, Петръ *Чистяковъ* перемѣщенъ къ Хорошевской церкви, того же уѣзда.

— Резолюціею Его Преосвященства отъ 25-го іюля, священникъ села Чернаго, Гомельскаго уѣзда, Павелъ *Воскресенскій* перемѣщенъ къ Глубоцкой церкви, того же уѣзда.

— Учитель Мстиславскаго духовнаго училища Иванъ *Горбачевскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 25-го іюля, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Сокольнянской церкви, Оршанскаго уѣзда.

— Учитель Любавичскаго народнаго училища Иванъ *Глыбовскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 26-го іюля, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Шапчицкой церкви, Рогачевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Горезинской церкви, Чериковскаго уѣзда, Тихонъ *Жуковскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 25-го іюля, перемѣщенъ къ Чериковской соборной церкви.

— Псаломщикъ Кадинской церкви, Мстиславскаго уѣзда, Герасимъ *Мастицкій* перемѣщенъ къ Онуфріевской церкви, Чериковскаго уѣзда.

— Бывшій причетникъ Иванъ *Осмоловскій*, по опредѣленію Епархіальнаго Начальства отъ 27-го іюля, назначенъ псаломщикомъ къ Воронцевичской церкви, Оршанскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время состоятъ вакантными мѣста: а) *священниковъ*—при церквахъ: *Шепелевичской*, Могилевскаго уѣзда, *Брацковичской*, Чериковскаго уѣзда, *Рогачевской* Александро-Невской, *Свѣтиловичской*, *Вороновщинской*, Рогачевскаго уѣзда, *Чернянской*, Гомельскаго уѣзда, *Рождество-Борородицкой* и *Засельской*, Климовичскаго уѣзда, и б) *псаломщиковъ*—при церквахъ: *Грабовской*, Гомельскаго уѣзда, *Рождество-Богородицкой*, Климовичскаго уѣзда, и *Кадинской*, Мстиславскаго уѣзда.

От Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ.

Въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ неоднократно поступали заявленія отъ правленій нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеній о возвратѣ выданныхъ ими изъ епархіальныхъ суммъ прогонныхъ денегъ лицамъ духовно-учебнаго вѣдомства, перемѣщаемымъ на службу изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое; при чемъ замѣчено, что часто прогонныя деньги выдаются перемѣщаемымъ лицамъ на всякое разстояніе, вопреки 230 ст. т. III Свод. закон. 1876 года Уст. о служб. прав.

Вслѣдствіе сего, Хозяйственное Управленія при Св. Синодѣ, съ разрѣшенія г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, признало необходимымъ сообщить правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній, что на основаніи вышеприведенной 230 ст. т. III Св. зак. изд. 1876 г. прогонныя деньги лицамъ, перемѣщаемымъ на службу изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое, могутъ быть выдаваемы въ томъ только случаѣ, когда предстоящее имъ къ проѣзду разстояніе будетъ не менѣе тысячи пятисотъ верстъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Начальникъ Могилевской женской гимназіи извѣщаетъ гг. родителей и опекуновъ, желающихъ опредѣлить своихъ дочерей и воспитанницъ въ гимназію, что прошенія объ опредѣленіи ихъ въ заведеніе будутъ принимаемы въ канцеляріи гимназіи до 20-го августа включительно, съ 10 до 12 часовъ дня, а вступительные экзамены начнутся 23-го августа. Воспитанницы же гимназіи, которымъ назначены переэкзаменовки послѣ каникулъ, обязаны явиться на испытаніе 20-го августа.

Начальникъ гимназіи *Н. Кравченко.*

За редактора *И. Лукинъ.*

Дозв. цензурою. 1885 г. 1 августа. Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Сергій.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 августа № 22. 1885 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Святыя Троицы.

Духомъ да живемъ, Духомъ водимые (Римл. 8, 5, 14).

Бурное дыханіе и явленіе огненныхъ языковъ продолжались нѣсколько мгновеній; но Св. Духъ всецѣло наполнилъ собою души и сердца Апостоловъ. Онъ двигалъ сердце ихъ; сердце двигало уста; слова хвалы и благодаренія лились сами собою. Настоящій день св. Апостолы провели, по преданію Церкви, въ томъ, что на всѣхъ языкахъ, полученныхъ ими отъ Духа Св., возвѣщали величіе и славу Тріипостаснаго Бога. И мы всѣ, въ день сошествія Св. Духа, удостоились Его благодатнаго наитія, и настоящій день, подобно Апостоламъ, должны посвятить торжественному прославленію и благодаренію Господа за этотъ небесный даръ. Но иное дѣло принять Духа Св. а иное *жить по Духу, водиться Духомъ*. Прежде чѣмъ приступить къ благодаренію и прославленію Бога за ниспосланіе благодати Св. Духа, нужно поставить свою совѣсть предъ очами *испытующаго вся Духа Божія* (1 Коринѳ. 2, 10) и дать себѣ отчетъ, водимся ли мы Духомъ Божіимъ?

По изъясненію св. Іоанна Златоуста, чтобъ водиться Духомъ Божіимъ, надобно всецѣло подчинить Его водительству и душу и тѣло, такъ чтобъ Онъ былъ для насъ тѣмъ же, что кормчій для корабля, что возница для коней,—надобно ходить не по плоти, а по

духу, являть въ своей жизни, дѣятельности, во всемъ поведеніи плоды Св. Духа: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22).

Но водимся ли мы Духомъ Божіимъ, когда живемъ для плоти, враждущей духу, когда, при насыщеніи, упоеніи и наслажденіи плоти, оставляемъ безъ вниманія присущій духу гладъ слышанія слова Божія и жажду правды? *Не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3), сказалъ Господь еще о предпотопныхъ людяхъ.

Водимся ли мы Духомъ Божіимъ, если одушевляемъ себя, живемъ *духомъ міра сего* (1 Кор. 2, 12)? Какъ младенецъ во чревѣ матери, хотя имѣетъ свою душу и особую жизнь, питается и дышетъ дыханіемъ матери, такъ что жизнь его едва можетъ назваться особою жизнію отъ жизни матери: такъ и мы всецѣло погружены въ жизнь міра, такъ что жизнь многихъ изъ насъ едва можетъ назваться особою отъ жизни міра.* Мы имѣемъ умъ, но мыслимъ мыслями міра, имѣемъ сердце, но въ немъ царствуетъ любовь къ міру, имѣемъ волю, но она движется по законамъ міра. Въ умѣ нашемъ иногда свѣтитъ свѣтъ, играетъ радужное сіяніе мыслей; но этотъ свѣтъ, холодный, какъ лучъ зимняго солнца, не согрѣваетъ и не оживляетъ оледенѣвшаго сердца. Сердце иногда источаетъ изъ себя капли свѣтлыхъ и благихъ чувствованій; но эти капли, повидимому свѣжія и обильныя, не даютъ въ своемъ сліяніи той живой воды, которая утолила бы жажду безсмертнаго духа. Тягостная пустота, мрачное томленіе и всепожирающее недовольство мучатъ его. Алчныя желанія, какъ волны, бросаютъ его отъ одного предмета къ другому. Среди волненій и бурь житейскихъ и моя жалкая душа борется, мятется, кружится и падаетъ точно птица, застигнутая бурей. И боюсь, какъ бы не отторгли и не выбросили ее изъ Церкви Христовой, какъ выбросятъ изъ церкви траву и цвѣты отъ Духова дня. И вотъ, животворящій *Духъ Господень, обновляющій лице земли*, носясь надъ бездною разстроеннаго существа моего, не вдохнулъ въ него жизни и силы... А отчего такія томленія въ душѣ? Оттого, что она не дышетъ тѣмъ св. воздухомъ, какимъ ей нужно дышать: какъ дыханіе устъ Божіихъ, душа должна дышать росоноснымъ Духомъ Божіимъ, а не духомъ міра; безъ Духа жизни она, какъ слабая

* Изъ слова митрополита Московскаго Филарета.

вѣтвь, не можетъ держаться на благодатной Лозѣ,—на Господѣ Іисусѣ Христѣ; она отпала и увяла. Отчего Апостолы были *великими Божественнаго Духа органами?* Оттого, говорятъ они, что *мы не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ* (1 Коринѳ. 2, 12).

Но да утѣшатся нищіе духомъ, да воздвигнутся немоществующіе плотію! Послѣ бури—тишина. Послѣ вихря, землятрясенія и огня повѣялъ *гласъ хлада тонка*, въ которомъ и явился Господь Иліи пророку. Послѣ дыханія бурна, или бури, приведшей въ ужасъ весь Іерусалимъ, всѣхъ, отвсюду стекшихся іудеевъ, явились свѣтовидные, златовидные вѣнцы, надъ главами Апостоловъ: и съ ними Духъ Св. сошелъ на Апостоловъ, опочилъ въ нихъ. И наше дыханіе бурное, внутренняя буря раскаянія, терзанія душевнаго мало-помалу превратится въ *кроткія неизглаголанныя воздыханія, коими самъ Духъ будетъ ходатайствовать въ насъ* (Римл. 8, 26), въ тотъ тихій живой *гласъ,* которымъ Онъ *вопіетъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче* (Гал. 4, 6). *Духъ Божій проходитъ сквозь вся духи* (Премудр. 7, 23) и вездѣ присутствуетъ своею благостію, благодатію. По прекрасному сравненію одного св. подвижника, «какъ душа близка тѣлу, такъ Духъ Божій близокъ душѣ нашей и всегда готовъ придти и отверзть заключенныя двери сердца и даровать намъ небесное богатство». Будемъ только *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще Господеви работающе* (Римл. 12, 11), потщимся возгрѣвать и возращать въ себѣ дары Духа—въ молитвѣ, чтеніи слова Божія и св. таинствахъ. Такая горячность духа *въ работѣ Господеви* полезна и для охраненія отъ искушеній плоти и міра. По прекрасному также сравненію св. подвижниковъ, когда котелъ кипитъ на огнѣ, къ нему не смѣютъ приблизиться ни насѣкомыя, ни пресмыкающіеся, ни домашнія животныя. Но остылъ котелъ,—къ нему липнутъ и насѣкомыя и домашнія животныя, чтобъ похитить и осквернить въ немъ пищу. Подобно сему, когда сердце христіанина горитъ огнемъ усердія къ Богу, плотскіе помыслы и вожделѣнія міра не смѣютъ приблизиться къ нему. Но если священный этотъ огнь остываетъ въ душѣ христіанина, плотскіе помыслы и соблазны міра приближаются къ нему и оскверняютъ его, зараждаются похоти и страсти, удаляющія отъ него Духа Божія.

Царю небесный, Утѣшителю благій! Пріиди и спаси насъ! Спаси

на этомъ бурномъ морѣ міра, гдѣ волненія страстей, бури искушеній и всякихъ напастей готовы потопить насъ, или же источить по каплѣ жизнь нашу въ томленіи скорби, унынія. Спаси и отъ искушеній собственныя плоти! Не возгнушайся нечистоты, ранъ и язвъ нашихъ грѣховныхъ, но исцѣли и уврачуй ихъ. Просвѣти нашъ умъ, обнови сердце, угаси страсти, да въ домы душъ нашихъ внидетъ Сынъ Божій съ Небеснымъ Отцемъ своимъ и да *сотворятъ въ нихъ*, вмѣстѣ съ Тобою, всесвятый Душе, *обители для себя, и мы единымъ сердцемъ и едиными усты прославимъ въ Троицѣ славимаго Бога.*

Архимандритъ Сергій.

СЛОВО

въ недѣлю всѣхъ Святыхъ.*

Вчера было отданіе праздника сошествія Св. Духа на Апостоловъ, сегодня праздникъ всѣхъ Святыхъ, завтра начнется постъ. Какъ предъ сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ, они непрестанно молились, начиная со дня вознесенія Господня: такъ по сошествіи Св. Духа они всю недѣлю Пятьдесятницы, по преданію Церкви, провели преимущественно въ молитвѣ, славословя и благодаря за Него Бога. Затѣмъ, для охраненія и возращенія въ себѣ даровъ Св. Духа, Апостолы наложили на себя постъ, называвщійся въ древности постомъ Пятьдесятницы или св. Апостоловъ, а у насъ онъ называется Петровымъ. Настоящій день, между постомъ св. Апостоловъ и истекшею недѣлью Пятьдесятницы, св. Церковь посвятила памяти всѣхъ Святыхъ, прославленію и благодаренію Бога за великое дѣло спасенія, совершенное крестными заслугами Искупителя и благодатію Всесвятаго Духа во всемъ сонмѣ Святыхъ Божіихъ, какъ прославленныхъ Церковію, такъ и сокровенныхъ предъ Богомъ. И каждый изъ насъ въ настоящій день призывается Церковію прославить и возвеличить Господа за дѣло спасенія и освященія, совершенное Духомъ Святымъ во всѣхъ Святыхъ Божіихъ и въ каждомъ изъ насъ лично, да молитвами всѣхъ Святыхъ возрастимъ и пріумножимъ въ себѣ ихъ духовныя, благодатныя дарованія.

* Произнесено въ Братскомъ монастырѣ.

Но какъ я буду прославлять и благодарить Бога, съ прискорбіемъ подумаетъ иная добрая душа! Я употребилъ столько времени и средствъ, чтобъ освятить себя во св. праздники и удостоиться благодати Св. Духа, но доселѣ не вижу въ себѣ слѣдовъ благодати.

Не смущайся, вѣрующая душа! *Духъ Божій дѣйствуетъ сокровенно и внутренно.* Какъ небесный Гость и Утѣшитель, Онъ сокровенно пришелъ и опочилъ и въ тебѣ, какъ Онъ почилъ и жилъ во Святыхъ Божіихъ, хотя и въ меньшей, конечно мѣрѣ и полнотѣ даровъ.

Чтобъ успокоиться и убѣдиться, что и въ насъ почіетъ Духъ Господень, разсмотримъ нѣкоторые признаки благодатнаго Его присутствія и дѣйствія во святыхъ Божіихъ и въ насъ грѣшныхъ. Не говоря о чрезвычайныхъ и самыхъ таинственныхъ способахъ присутствія и дѣйствія Духа Божія во святыхъ Божіихъ, о чрезвычайныхъ случаяхъ призыванія и обращенія, о высочайшихъ плодахъ оправданія и освященія ихъ до единенія ихъ съ Тріипостаснымъ Божествомъ, остановимся на болѣе общихъ и доступныхъ для нашей немощи дѣйствіяхъ въ нихъ Духа Божія 1) на посредственныхъ и 2) непосредственныхъ.

I. Духъ Св. вселяется во Святыхъ Божіихъ и въ насъ грѣшныхъ при посредствѣ слова Божія, молитвъ и таинствъ.

Кто изъ насъ читая или слушая слово Божіе, не чувствовалъ въ сердцѣ сладостнаго умиленія, восторга, и не замѣчалъ, что душа его какъ-бы просится на небо! Кто не ощущалъ надъ собою вѣянья Духа благодати и не начиналъ дышать небеснымъ воздухомъ! Читая или слушая слово Божіе,—эти *сладостнѣйшіе глаголы* Духа Божественнаго, заключающіе въ себѣ *духъ и животъ,*—мы, такъ сказать, напитываемся, проникаемся Духомъ Св. А Святые Божіи, при чтеніи Богодухновенныхъ книгъ, такъ проникались, преисполнялись Духомъ Божіимъ, что и сами становились Богомудрыми, Богоносными, Духоносцами.

Не замѣчали-ль вы еще, что во время пламенной молитвы въ храмѣ Божіемъ, въ этомъ жилищѣ Бога, Ангеловъ и Святыхъ, вы какъ будто одухотворяетесь и начинаете дышать небомъ! Посмотрите на молящагося, который ни на что не взираетъ, кромѣ изображеній небесныхъ, ничему не внемлетъ, кромѣ глаголовъ молитвенныхъ: онъ мгновенно возносится духомъ надъ всѣмъ земнымъ и тлѣннымъ, становится превыше небесъ, приступаетъ къ престолу благодати, къ лику

Ангеловъ и Святыхъ, входитъ какъ-бы въ соприкосновеніе съ Божествомъ. Но не долго стоитъ человѣкъ на такой духовной высотѣ близь Бога и Святыхъ. Развлеклись внѣшнія чувства, повѣяло холодомъ въ сердцѣ, житейскія думы и заботы унесли душу изъ храма, Ангелы и Святые съ печалію назираютъ и ищутъ ее. Вдругъ однако западаетъ въ душу одно молитвенное слово: Опомнишься и думаешь себѣ, ужели Богъ внемлетъ той молитвѣ, которой я самъ не внемлю, нѣтъ, *мерзость Господеви всякъ помыслъ неправедный*. Отъ ужаса суда и мщенія, невольно возникающаго отсюда, содрогаешься, но не отчаяваешься, спѣшишь въ объятія безпредѣльной благости, стремишься къ ней, какъ младенецъ къ матери, приникаешь снова ко престолу благодати, проникаешься, осіяваешься ею, какъ проникаются и просвѣщаются ею всѣ святые и Ангелы. Скажите, кто вдыхаетъ въ насъ эти молитвенныя чувства, какъ не тотъ всемощный *Духъ благочестія и страха Божія, который на кого по достоянію дхнетъ, того восперяетъ, возращаетъ, устрояетъ горѣ*? Такъ именно воспаряли и устроялись горѣ души всѣхъ праведниковъ и святыхъ, во время ихъ обычныхъ молитвословій келейныхъ и церковныхъ.

Кто изъ васъ, сл., по принятіи спасительныхъ таинствъ, наприм. исповѣди и св. причащенія, не испытывалъ благодѣтельной перемѣны во всемъ существѣ своемъ? *Какая то тяжесть, боль* или, по выраженію Апостола Павла, какъ бы *чешуя отпадаетъ при этомъ отъ души вашей*. Умъ свѣтлѣетъ, сердце умягчается, воля свободнѣетъ, совѣсть яснѣетъ, душа успокоивается. На душѣ такъ легко и отрадно, что самое тѣло приходитъ въ порядокъ и становится не такъ земнымъ и тяжелымъ, поклоны кладутся чаще и глубже, лице просвѣтляется молитвою и благодатію таинствъ, вся плоть какъ бы одухотворяется, *молчитъ, яко не сущая*, или паритъ вслѣдъ духа и готова вся излиться въ слезахъ, излетѣть въ воздыханіяхъ. Столь животворныя и спасительныя эти таинства не очевидныя ли источники и проводники благодати Св. Духа для насъ? Онъ, Духъ милосердія и щедротъ, снимаетъ съ насъ *тяжкое бремя грѣховное*, Онъ, *Духъ благій и правый, отъемлетъ сердце каменное и даетъ сердце плотяное* (Іезек. 36, 26) т. е. истинночеловѣческое. А безъ Него, по ученію слова Божія, не бываетъ ничего добраго въ душѣ, безъ Него ничего не можемъ помыслить добраго. Такъ, посредствомъ

таинствъ дѣйствовалъ Духъ Божій и во святыхъ, постепенно преобразуя ихъ въ *земныхъ ангеловъ, небесныхъ человѣковъ, содѣлывая ихъ одушевленными своими храмами, наслѣдниками Божіими, сопричастниками Христу, Его удами, членами.*

II. Во святыхъ Божіихъ и въ насъ грѣшныхъ Духъ Божій дѣйствуетъ и непосредственно на душевныя силы и способности, просвѣщая и оживотворяя ихъ, или, по слову пророка, *разваряя и очищая ихъ какъ сребро и злато* (Малах. 3, 3). Какъ въ мірѣ вещественномъ все проникнуто и оживлено воздухомъ, такъ въ мірѣ духовномъ Св. Духомъ *всяка душа живится, свѣтлѣется.*

Какъ Духъ истины, онъ наставляетъ ее на всякую истину.— По прочтеніи слова Божія, послѣ молитвъ и таинствъ, стоитъ лишь сосредоточиться въ себѣ, погрузиться во внутреннее уединеніе и безмолвіе, какъ душа открывается непосредственному вліянію на нее высшихъ силъ, наитію Св. Духа. *Премудрости Наставникъ и смысла Податель,* Онъ сообщаетъ уму высокія понятія о высокихъ предметахъ или такъ называемые помыслы отъ Бога, научаетъ внутреннему Богопознанію, *написуя законы въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ* (Іерем. 31, 33), и вспомоществуетъ во всѣхъ обычныхъ полезныхъ умственныхъ занятіяхъ, внушая находчивыя, счастливыя мысли и выраженія, сосредоточивая вниманіе, просвѣтляя сознаніе, возводя всѣ силы ума до той степени развитія и совершенства, до какой суждено имъ дойти отъ природы, и нерѣдко превосходя естественныя ея границы. Языческая древность учила, что въ здравомъ тѣлѣ здравый умъ: въ христіанствѣ же *сила Божія и въ немощи совершается;* благодатію Всесвятаго Духа у немощныхъ и дряхлыхъ сохраняется чрезвычайная ясность и производительность мысли, твердость и восприимчивость памяти, свѣтлость, трезвость сознанія, удивительная способность понимать людей, примѣняться къ духу времени и обстоятельствамъ, неустанность труда и подвига... А такъ называемое вдохновеніе, подъ наитіемъ котораго создаются наилучшія умственныя произведенія, что такое, какъ не озареніе и осіяніе отъ *Высшаго Свѣта и Свѣта Подателя?* Святые были или Богодухновенные или Богомудрые. Богодухновеннымъ Пророкамъ и Апостоламъ Духъ Божій вдыхалъ мысли и слова, не насилуя, однако, не стѣсняя ихъ естественныхъ силъ и способностей, но возводя ихъ на высшую степень совершенства. Соприсутствуя своимъ благодатнымъ наитіемъ

Богоноснымъ или Богомудрымъ святымъ мужамъ, хотя не такъ продолжительно и часто, какъ Богодухновеннымъ пророкамъ и Апостоламъ, спребывая съ избранными пастырями и учителями Церкви и всѣми вѣрующими, Онъ, по мѣрѣ пріемлемости ихъ, предохраняетъ ихъ отъ заблужденій, озаряетъ, умудряетъ, вдохновляетъ ихъ на выспія, глубокія мысли, счастливыя, талантливыя изрѣченія. Богодухновенные писатели—*великіе Божественнаго Духа органы*, *трость въ рукѣ Книжника скорописца*—постоянно почти движимые Имъ, безъ подавленія, конечно, свободы мысли и слова,—Богомудрые или Богоносносные Отцы и учители Церкви—*меньшіе Божественна Духа органы*,—разъ въ моментъ воздѣйствія Св. Духа приведенные въ дѣйствіе, сами потомъ, по данному имъ отъ Него тону и настроенію, производятъ рядъ Богомудрыхъ помысловъ и словъ: подобно тому какъ музыкальный инструментъ, по данному ему отвнѣ тону и настроенію, издаетъ рядъ звуковъ. Богодухновенные пророки и Апостолы непогрѣшимы въ ученіи вѣры и нравственности; Богомудрые Отцы и учители Церкви, по немощи человѣческаго естества, иногда погрѣшаютъ въ частныхъ своихъ мнѣніяхъ, произвольно измѣняютъ (дисгармонируютъ) данному отъ Духа Божія тону и настроенію. Такъ сами же они различаютъ степени и продолжительность наитія и дѣйствія въ нихъ Духа истины.

Какъ Духъ святости, Онъ очищаетъ душу отъ всякія скверны. При чтеніи слова Божія, священнодѣйствіяхъ молитвъ и таинствъ, а чаще въ состояніи уединенія и безмолвія бываютъ минуты, когда человѣкъ, преданный міру и плоти, разочаровывается въ прелестяхъ ихъ и видитъ, что прошедшая жизнь его есть цѣпь заблужденій, слабостей и преступленій, что вся жизнь его есть измѣна, вражда и мятежъ противъ Бога; осуждая самъ себя, онъ трепещетъ и измѣняется всѣмъ существомъ своимъ. Сердце его, доселѣ надменное и грубое, смиряется и падаетъ въ прахъ предъ Вседержителемъ, оно умягчается, плачетъ и готово изныть въ воздыханіяхъ; оно разрываетъ узы, привязывавшіе его къ землѣ, паритъ и возносится надъ бездною суеты мірской. Кто возбуждаетъ въ насъ такое расположеніе ко спасенію, какъ не тотъ *Духъ великъ и крѣпокъ*, который *раззоряетъ горы и сокрушаетъ каменіе* (3 Цар. 19, 11), т. е. низлагаетъ гордость, умягчаетъ жестокосердіе, обуздываетъ грубую чувственность. Съ этого начинали свой путь спасенія всѣ *подобостра-*

стные намъ святые Божіи человѣки. А хотите ли видѣть освященнаго, облагодатствованнаго человѣка не въ сонмѣ прославленныхъ святыхъ, а среди обыкновенныхъ людей? Кто бы онъ ни былъ, онъ исполняетъ обязанности своего званія и состоянія, не привязываясь къ выгодамъ его, наслаждается благами земными, не пристращаясь къ нимъ. Пріобрѣтаетъ что-либо? Смотритъ на пріобрѣтеніе, какъ на временный даръ, ниспосланный ему для славы Божіей и блага ближнихъ. Теряетъ что-нибудь? Отдаетъ потерянное, какъ-бы излишекъ, принадлежащій не ему, а людямъ. Отъ суеты и бурь житейскихъ онъ, по словамъ одного знаменитаго страдальца, или уходитъ на небо или укрывается въ глубинѣ собственнаго духа, гдѣ, какъ въ свѣтломъ чертогѣ, обитаетъ самъ Духъ Божій и гдѣ открывается *царствіе небесное, съ его правдою, миромъ и радостію о Дусѣ Святѣ.* И, что-бы ни случилось съ нимъ, онъ во всемъ усматриваетъ пути Всевышняго, за все благословляетъ Провидѣніе, исповѣдуя вмѣстѣ съ Іовомъ, что *всему доброму поучаетъ его дыханіе Вседержителя.* (Іов. 32, 8) Даже во внѣшней жизни облагодатствованнаго человѣка можно видѣть вѣяніе благодати Всесвятаго Духа. Пусть себѣ жизнь его обставлена изящными предметами и наслажденіями; но разъ проникнуто и освящено здѣсь все нравственною мыслію, словомъ Божіимъ и молитвою, изящные предметы и наслажденія служатъ къ улучшенію и облагороженію нравственнаго существа его. Не удивительно, что эта внѣшняя, благообразная жизнь, доставляющая намъ покой, удобства и наслажденія изящныя, есть вожделѣнный плодъ Духа Божія: не всѣ жъ святые жили въ *горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ,* многіе обитали въ палатахъ вельможъ и чертогахъ царей; на ихъ жизни видимъ, что *добро есть и богатство, въ немъ же нѣсть грѣха;* Духъ же Божій научилъ ихъ и насъ, что тѣло наше само по себѣ—не узы и темница, но другъ и сотрудникъ души, храмъ Духа Святаго, будетъ прославлено вмѣстѣ съ душею, *просвѣтится съ нею, какъ солнце въ царствіи Отца Небеснаго,* и потому стоитъ законныхъ заботъ и попеченій о немъ, все зло въ поблажкѣ и пристрастіи души къ тѣлу. По ученію Іова, онъ, всепоучающій Духъ, *даетъ женамъ тканія мудрость и испещренія хитрость* (Іов. 38, 36), т. е. способность къ рукодѣлію и художеству всякаго рода. Моисею Онъ *воздвигъ премудрыхъ архетектоновъ, всякихъ художниковъ и строителей* для его скиніи. По ученію ново-

завѣтной Церкви, отъ Него всяка сила и лѣпота (Акаѳ. Пресв. Троицѣ ик. 8). Имъ все художественно чистое и нравственное дается, вливается и вдыхается въ насъ.

Какъ Духъ Утѣшитель, св. Духъ наполняетъ сладчайшими утѣшеніями всю душу человѣка. Въ умѣ его, при разнообразныхъ художественныхъ дарахъ, сіяетъ духъ премудрости. Волю его движетъ духъ свободы. Въ глубинѣ сердца почіетъ духъ утѣшенія и радости. Въ совѣсти царствуетъ *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Филип. 4. 7). Во всей душѣ, при благодати приближенія ея къ Богу и Бога къ душѣ, владычествуетъ духъ величія и духъ силы. И, *преисполненный огнезрачныя Духа благодати*, ангелоподобный этотъ духъ покоится въ невозмутимомъ безмолвіи и тишинѣ, *яко на водѣ упокоенія*, подобно св. страстотерпцамъ и мученикамъ. О, какое невыразимое счастье быть орудіемъ и сосудомъ благодати Св. Духа, совмѣстно со всѣми ликами праведныхъ и святыхъ!

Заключительное мое слово къ вамъ, юные слушатели. Духовные воспитанники должны быть всегдашними носителями Духа Божія, иначе вы не только не воспитанники духовные, но и не христіане: *аще кто Духа Христова не имать, нѣсть Его* (Римл. 8, 9), тотъ и не Христіанинъ. Ваше священное званіе, къ которому вы готовитесь, есть святое призваніе и служеніе Апостольское, и вы должны составлять изъ себя сонмъ священный и святой. Прославивъ и возвеличивъ Бога, за все совершенное Искупителемъ и Духомъ Св. во всѣхъ святыхъ Божіихъ, за всѣ благодатные дары, излитые на нихъ и на насъ, при посредствѣ священнодѣйствій слова Божія, молитвъ и таинствъ, и непосредственно на умы, волю и сердца наши, старайтесь поддерживать и возращать въ себѣ дары Св. Духа всѣми испытанными въ жизни Святыхъ и указанными сейчасъ средствами. Наиболѣе же доступное средство для того—молитва. Сколько лѣтъ изучаемъ мы разные языки, а успѣхъ мало дается: молитесь же, какъ можно чаще и усерднѣе, Тому, кто вдругъ далъ Апостоламъ способностъ говорить *разными языки, странными глаголы, странными ученіи*. Изучаемъ не мало наукъ, но чѣмъ болѣе пріобрѣтаемъ свѣдѣній, тѣмъ шире, необъятнѣе разверзается предъ нами область невѣдѣнія: молитесь же опять, какъ можно чаще, *Премудрости Наставнику и смысла Подателю*, Который простыхъ рыбарей

умудрилъ, возвеличилъ несравненно болѣе, чѣмъ прославленныхъ мудрецовъ древности, — ихъ рыбарскими сѣтями уловилъ вселенную въ плѣненіе истинѣ небесной и расторгъ всѣ Аѳинейскія плетенія. По примѣру величайшаго Богодухновеннаго мудреца древности Соломона, ничего такъ не просите, не молите себѣ, какъ *мудрости, яже свыше* (Іак. 3, 17) и съ нею пріобрѣтете все, и богатство, и славу. Молитесь особенно у этой древней исторической святыни, Чудотворной Иконы Богоматери. Какъ отрадно и умилительно видѣть, что воспитанники и воспитанницы свѣтскихъ школъ рано по утру спѣшатъ къ ней съ своими книжками и молитвенно повергаются предъ нею, изливая здѣсь дѣтскія скорби и нужды. Молитвенно чаще и чаще повергайтесь и вы предъ этою святынею, и Она, Матерь Божія, *многи въ разумѣ просвѣщающая*, просвѣтитъ и васъ *свѣтомъ* отъ самого *Отца Свѣтовъ*. А *отверзый ученикамъ умъ разумѣти Писанія* (Лук. 24, 45), ея Божественный Сынъ, *наставляющій на всяку истину Духъ истины дастъ вамъ смыслъ и мудрость во всякой книжнѣй премудрости*, да очиститъ васъ отъ всякія скверны и нечистоты грѣховной и утѣшеніями небесными неизглаголанными утѣшитъ васъ въ это страдное школьное время. Помните же св. ваше призваніе быть свѣточами науки на тверди церковной, питомцами мудрости духовной, училища благочестія, представляя изъ себя какъ бы школу древнихъ сыновъ пророческихъ или новый, благодатный святой сонмъ, *да видятъ вѣсь добрыя ваши дѣла и прославятъ о васъ Отца небеснаго!* Да возрадуются о васъ лики Ангеловъ и святыхъ, какъ и мы радуемся и торжествуемъ о нихъ, *да молитвами ихъ Господь дастъ намъ всѣмъ отъ Духа благодати, иже въ нихъ!*

Архимандритъ Сергій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЦЕРКОВНОМЪ ЧТЕНІИ.

Относительно чтенія въ церквахъ при богослуженіи у насъ требуется сдѣлать весьма много улучшеній. Богослуженіе православной Церкви установлено такъ, что оно совмѣщаетъ въ себѣ все просвѣтительное христіанское начало, посвящаетъ слушателей во всю глубину догматовъ христіанской религіи и всецѣло обнимаетъ собою ученіе православной Церкви. А потому ясное, выразительное при богослуже-

ніи чтеніе имѣетъ громадное значеніе не только для людей неграмотныхъ и малограмотныхъ, но и для такъ называемыхъ людей интеллигентныхъ. У насъ же въ большинствѣ церквей чтеніе совершается такъ, что и человѣку хорошо знакомому съ содержаніемъ читаемаго нѣтъ возможности понять того, что читаютъ, вслѣдствіе чего простолюдинъ даже и не вслушивается въ читаемое, говоря про себя: «сколько ни прислушивайся, все равно ничего не поймешь». Это печальное явленіе не объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, на которое указываютъ другіе, ссылаясь на то, что православное богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ, будто бы непонятномъ для простаго народа. Церковно-славянскій языкъ понятенъ для всякаго простолюдина, за исключеніемъ весьма немногихъ словъ и выраженій, съ которыми онъ освоится, какъ только пойметъ смыслъ читаемаго при богослуженіи. Къ тому же русскій простой народъ свыкся съ церковно-славянскимъ языкомъ, и послѣдній обладаетъ красотами и выраженіями, незамѣнимыми русскимъ языкомъ, такъ что языкъ церковно-славянскій долженъ оставаться неприкосновеннымъ при богослуженіи въ средѣ русскаго населенія, и о замѣнѣ одного другимъ не можетъ быть и рѣчи. Индифферентное отношеніе простаго народа къ читаемому при богослуженіи объясняется тѣмъ, что чтецы, забившись на клиросѣ въ уголъ, обыкновенно читаютъ или весьма тихо, про себя, или же если и громко, но такъ скоро и не внятно, что возможно разслышать и разобрать только одно изъ десятковъ словъ. Само собою понятно, что при подобномъ чтеніи не можетъ быть и рѣчи о смыслѣ и содержаніи читаемаго, тѣмъ болѣе о просвѣтительномъ началѣ, заключающемся въ читаемомъ. Въ игнорированіи просвѣтительнаго начала, въ небрежномъ и невнятномъ чтеніи при богослуженіи скрывается, между прочимъ, одинъ изъ зародышей уклоненія въ сектантство. Такъ напр., православные, перешедшіе въ штундизмъ, объясняли православнымъ пастырямъ, бесѣдовавшимъ съ ними по этому поводу, причину своего отступничества отъ православной вѣры тѣмъ, что они ничего не понимаютъ въ богослуженіи православной Церкви. Чтобы устранить и предотвратить это громадное зло—безразличное отношеніе молящихся къ читаемому при богослуженіи и уклоненіе отъ православія—слѣдуетъ прежде всего ввести чтеніе благоговѣйное, разумное, внятное, достаточно громкое и раздѣльное, чтобы находящіеся въ церкви, при внимательномъ

слушаніи, могли разобрать и понять каждое слово, вникнуть въ глубокій смыслъ и содержаніе того, что читается. Но этимъ еще не все сказано. Чтеніе церковное далеко не простое дѣло, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда и при поверхностномъ сужденіи. Его не можетъ исполнить надлежащимъ образомъ всякій. «Церковное чтеніе», по мнѣнію великаго ревнителя православной церковности С. А. Рачинскаго, «есть искусство, требующее и природнаго таланта и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Руководители въ этомъ искусствѣ разсѣяны повсюду, въ лицѣ благочестивыхъ любителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное его вліяніе громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней— цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное значеніе хотя бы однихъ паремій, апостоловъ и канонов страстной седмицы... Кто это понялъ, кто это прочувствовалъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго содержанія, можно ли тому отказать въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ доступно, и по содержанію, и по формѣ, все, что представляетъ собою прочнаго, истинно-цѣннаго, наша свѣтская литература?»

Затѣмъ, чтеніе церковное должно строго отличать отъ обыкновеннаго свѣтскаго или гражданскаго. «Церковное чтеніе», по словамъ знатока древней церковности Д. Соловьева, «въ томъ видѣ, какъ оно производится въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ соборахъ, согласно старинному церковному обычаю, является положительною составною частію пѣнія. Это чтеніе должно строго отличать отъ простаго, обыкновеннаго, свѣтскаго или гражданскаго чтенія; оно имѣетъ свои традиціонные пріемы, свою манеру, свой характеръ, и по этимъ чертамъ можетъ быть раздѣлено на два главные вида: чтеніе *разсказное*, употребляющееся, напр., при чтеніи синаксарей и житій святыхъ въ трапезахъ, и чтеніе *псалмодическое, распѣвное*, употребляющееся почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ; помимо другихъ подробностей, главное правило этого послѣдняго вида чтенія состо-

итъ въ томъ, что чтецъ обязанъ тонировать въ предѣлахъ господствующихъ или конечныхъ аккордовъ исполняемыхъ пѣснопѣній, особенно же это должно быть соблюдаемо, когда чтецу приходится выступать непосредственно за окончаніемъ пѣснопѣнія; нарушеніе же этого правила производитъ очень немузыкальное впечатлѣніе».

Итакъ, чтеніе при богослуженіи должно строго отличаться отъ чтенія гражданскаго. Но это отличіе не всегда дѣлается, мало того, даже совершенно игнорируется, пренебрегается, такъ что требованіе церковности при чтеніи отходитъ совершенно на второй планъ. Вообще приходится сказать, что псалмодическое чтеніе все болѣе и болѣе забывается и вытѣсняется речитативно разговорнымъ, незаконно пріобрѣтающимъ право гражданства при богослуженіи. Почти повсюду укоренилось, вмѣсто чтенія распѣвнаго, псалмодическаго, чтеніе речитативное, разговорное, вполнѣ сходное съ чтеніемъ свѣтскимъ, гражданскимъ, которое умѣстно въ классахъ, аудиторіяхъ, на общественныхъ собраніяхъ, но отнюдь не соотвѣтствуетъ важности богослуженія. Оно при малограмотности и малоразвитости чтецовъ доходитъ даже до крайности, выходитъ нелѣпымъ и возмущаетъ духъ человѣка, не утратившаго вкусъ къ строго церковному чтенію. Въ заключеніе настоящей краткой замѣтки приведемъ сужденіе по этому предмету преосвященнаго Херсонскаго и Одесскаго Никанора изъ его отчета за 1884 годъ. «Въ этотъ край», пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ, «вторглось, распространилось повсюду и окрѣпло въ навыкахъ чтеніе речитативное, разговорное, нестрого церковное, весьма нерѣдко нелѣпое и возмутительное, потому что чтецы безъ надлежащаго образованія, безъ пониманія силы церковной рѣчи, спѣша, глотая слова и звуки, часто совсѣмъ безсмысленно ломаютъ свой голосъ и церковную рѣчь, при чемъ смущаетъ слухъ и душу своевольно нелѣпое гоготанье читающаго. Я нигдѣ не пропустилъ случая объяснить, что такое чтеніе не освящено обычаями церковными, что церковная древность передала намъ чтеніе въ церкви именно распѣвное; что не иначе, какъ распѣвное, рапсодическое чтеніе соблюдается до нынѣ не только въ греческой и православной русской, но и во всѣхъ древнихъ церквахъ... Указывалъ и на то, что распѣвное чтеніе хранится въ нашихъ церквахъ, безъ сомнѣнія, отъ самого Христа и апостоловъ, которые пѣли и молились распѣвно по древне-еврейскому обычаю, о которыхъ сказано въ Евангеліи,

что они, въ заключеніе тайной вечери, воспѣвше изыдоша изъ Сіонской горницы къ Геѳсиманскому саду. Этому странному, новомодному, не церковному обычаю безвкуснаго, возмущающаго молящуюся душу речитативнаго чтенія въ церкви слѣдуетъ полагать стѣсненіе и преграду». Приведенныя слова авторитетнаго въ этомъ дѣлѣ іерарха касаются Херсонской епархіи, но они, какъ предостерегающія отъ ложнаго увлеченія тономъ свѣтскаго чтенія при богослуженіи и несоблюденія чтенія, освященнаго обычаями церковными, вполнѣ заслуживаютъ вниманія и со стороны священно-церковно-служителей нашей епархіи, въ которой весьма нерѣдко можно встрѣтить подобное же направленіе и отношеніе къ чтенію церковному.

ДІАКОНЪ ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Окончаніе).*

Служеніе діаконовъ трапезамъ, о которомъ говорится въ кн. Дѣяній (гл. 6), въ свидѣтельствахъ послѣ апостольскаго времени съ опредѣленностію уже представляется, какъ служеніе епископу и пресвитерамъ при совершеніи Евхаристіи. «Куда идешь, отецъ, безъ сына?» взывалъ діаконъ Лаврентій, по свидѣтельству св. Амвросія Медіоланскаго, къ епископу своему Сиксту, ведомому на мученіе. «Куда спѣшишь, священникъ святый, безъ діакона своего? У тебя никогда не было въ обычаѣ приносить жертву безъ діакона» (св. Амвр. Мед. De offic. minist. lib. I. c. 41). Въ частности, діаконы принимали на жертвенникъ дары, приносимые народомъ, представляли ихъ пресвитерамъ и читали предъ ними и предъ всею церковью имена принесшихъ. Затѣмъ, однимъ изъ самыхъ древнихъ преимуществъ діаконскаго служенія было подавать св. дары присутствующему народу и относить къ отсутствующимъ. Въ «Апостольскихъ постановленіяхъ», при описаніи обрядовъ древняго богослуженія, повелѣвается это дѣлать епископу и діакону. «Епископъ, говорится тамъ, подаетъ дары, говоря: Тѣло Христово: а пріемлющій долженъ сказать—Аминъ. Діаконъ же долженъ держать чашу и, подавая другимъ, говоритъ: Кровь Христова, чаша жизни; а піющій долженъ сказать—Аминъ» (кн. 8, гл. 13). А что діа-

* См. №№ 18—19.

коны относили св. Дары къ отсутствующимъ, это мы уже видѣли изъ вышеприведеннаго свидѣтельства св. Іустина мученика. На это же обыкновеніе указываетъ и 25 пр. Лаодикійскаго собора, запрещающее иподіаконамъ присвоивать разныя преимущества діаконовъ и между прочимъ раздаваніе народу хлѣба или подаваніе св. чаши. Діаконамъ, находившимся подъ судомъ, пріобщеніе другихъ воспрещалось (Анк. пр. 2). Равно считалось неприличнымъ для пресвитера принимать св. Дары изъ рукъ діакона, что иногда случалось и было запрещено Никейскимъ соборомъ (пр. 18). Впрочемъ, и причащеніе мірянъ діаконами большею частью допускалось не иначе, какъ съ дозволенія епископа и пресвитеровъ. Съ теченіемъ времени причащеніе мірянъ было исключено изъ круга обязанностей діаконовъ, и нынѣ діаконы только выносятъ св. Дары изъ алтаря, а причащаетъ пресвитеръ. Какъ только раздаватели св. Даровъ, діаконы издревле лишены были права освящать ихъ. Бл. Іеронимъ (письмо 85 къ Евагр.) говоритъ, что одни пресвитери молитвами своими освящаютъ хлѣбъ и вино и претворяютъ ихъ въ тѣло и кровь Христовы, такъ какъ св. Евхаристія почиталась первымъ таинствомъ, а совершеніе ея—особенною обязанностію священства. Діаконы же вообще не были признаваемы за священниковъ и составляли только низшую степень священства, почему и не могли освящать св. Дары.

Кромѣ вспомоществованія пресвитеру или епископу при самомъ совершеніи таинства причащенія, на литургійномъ богослуженіи діаконы отправляли и нѣкоторыя другія обязанности. Такъ въ нѣкоторыхъ церквахъ на обязанности діаконовъ лежало читать евангеліе. Въ «Ап. постановленіяхъ» чтеніе всѣхъ прочихъ книгъ св. Писанія назначается низшимъ клирикамъ, именно чтецамъ, но евангеліе повелѣвается читать только пресвитеру или діакону (кн. 2, гл. 57). Бл. Іеронимъ также относитъ чтеніе евангелія къ должности діаконовъ, такъ что въ западныхъ церквахъ это составляло обыкновенную должность діакновъ (Письмо 57 къ Сабин.). Но въ другихъ церквахъ были и другіе обычаи. Въ Александріи напр., по замѣчанію Созомена, читалъ евангеліе архидіаконъ, въ иныхъ церквахъ—діаконы, въ другихъ—одни священники, а въ нѣкоторыхъ—въ большіе праздники—и самъ епископъ, какъ напр. въ Константинополѣ, въ день Пасхи. Словомъ, чтеніе евангелія не вездѣ и не всегда со-

ставляло должность однихъ діаконовъ, но только въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ извѣстныя времена.

На ряду съ чтеніемъ Слова Божія, діаконы въ древности нерѣдко пользовались правомъ изъясненія его народу,—имъ поручалось говорить въ церкви поученія. Св. Амвросій Медіоланскій полагаетъ, что первоначально всѣ діаконы были евангелистами, подобно Филиппу и архид. Стефану (Толк. на посл. къ Ефес. 4). Но если и пресвитеры во многихъ мѣстахъ не имѣли права проповѣдывать Слово Божіе въ присутствіи епископа, безъ особеннаго его приказанія, то тѣмъ болѣе это должно быть сказано о діаконахъ. Златоустъ, напр., будучи діакономъ, говорилъ поученія съ позволенія Мелетія, своего епископа. По свидѣтельству Фотія (кодекс. 196, стр. 512), Ефремъ Сиринъ, будучи только діакономъ Едесской церкви, составлялъ столь превосходныя бесѣды, что по смерти его онѣ были переведены на другіе языки и въ нѣкоторыхъ церквахъ были читаны прямо послѣ чтенія св. Писанія. Въ Галликанскихъ церквахъ діаконы отъ самихъ соборовъ получали право читать поученія предъ народомъ, когда пресвитеръ былъ боленъ и не могъ говорить поученій.

Дальнѣйшею обязанностью діаконовъ было побуждать народъ къ молитвѣ при богослуженіи вообще и преимущественно при совершеніи литургіи. Для этой цѣли діаконы употребляли обыкновенно извѣстныя выраженія при началѣ той или другой части богослуженія. Побуждая вѣрующихъ къ молитвѣ, діаконы въ тоже время произносили отъ лица вѣрующихъ и самыя слова молитвъ, называемыхъ въ настоящее время эктеніями. Все это называлось *провозвѣщеніемъ*, вслѣдствіе чего Синезій и другіе писатели церковные называютъ діаконовъ *священными провозвѣстниками церкви* (Письм. 67., Злат. Бесѣда 17 на посл. къ Евр.) Есть основанія полагать, что эктеніи употреблялись при богослуженіи и произносились именно діаконами еще въ глубокой древности, именно во второмъ вѣкѣ. Св. Іустинъ мученикъ, описывая въ своей апологіи богослуженіе воскреснаго дня, говоритъ между прочимъ, что за проповѣдью на этомъ богослуженіи слѣдовала общая, совершаемая всею Церковью, молитва. Содержаніе этой молитвы составляло прошеніе о ниспосланіи силы и благодати къ осуществленію и сохраненію познанной истины въ жизни, къ исполненію слышаннаго Слова Божія какъ всѣмъ христіанамъ, такъ

въ особенности новопросвѣщеннымъ и молитвенное ходатайство, кромѣ вѣрующихъ простиравшееся и за предѣлы христіанскаго общества, на власти, на всѣхъ людей вообще и даже на враговъ. Образцовъ молитвъ въ позднѣйшемъ смыслѣ во время Іустина конечно еще не было. Тѣмъ не менѣе болѣе чѣмъ вѣроятнымъ представляется, что по содержанію своему наша эктенія о просвѣщенныхъ и сугубая эктенія есть не иное что, какъ упоминаемая Іустиномъ молитва, переходившая изъ вѣка въ вѣкъ и наконецъ точно выраженная и навсегда формулированная. Помянутыя эктеніи въ настоящее время произносятся обыкновенно діакономъ. Можно полагать, что не иначе было во времена Іустина. Сопоставляя его замѣчаніе относительно произношенія вышеуказанной молитвы съ замѣчаніемъ о произношеніи молитвы при совершеніи самой евхаристіи, нельзя не обратить вниманія прежде всего на смѣну лицъ, произносившихъ молитву. Въ первомъ случаѣ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ молитвы является собравшійся народъ, а во второмъ—предстоятель. Какъ же, спрашивается, дѣйствовало общество въ первомъ случаѣ? Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что молитвы, произносимыя обществомъ, по содержанію своему имѣютъ сходство съ нашими эктеніями, произносимыми діакономъ въ концѣ литургіи оглашенныхъ, съ другой, что уже мужами апостольскими діаконы трактуются не какъ служители яствъ и питій, а какъ служители церкви, мы едва ли ошибемся, если допустимъ, что діаконъ провозглашалъ то, о чемъ вѣрующіе должны были молиться, а общество молилось, выражая свое согласіе словами «Господи помилуй» или имъ подобными. Намекъ на это можно видѣть въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Іустина, напр: «мы молимся, чтобы вы были помилованы Христомъ» (Разг. съ Триф. гл. 96). Если же Іустинъ говоритъ, что всѣ возносили молитвы, не упоминая о діаконѣ, то это объясняется тѣмъ, что діаконы, хотя и составляли церковную должность, въ его время не такъ еще рѣзко отдѣлялись отъ остальныхъ членовъ, какъ въ позднѣйшее время. Это были такіе же члены общества, дѣйствовавшіе въ средѣ общества и служившіе лишь выразителями его воли, а потому ихъ голосъ и голосъ общества въ представленіи Іустина сливаются въ одну общую молитву (Богослуж. Христ. со времени апост. до IV в. Ѳ. Смирнова, стр. 92). Подтвержденіемъ и оправданіемъ этихъ соображеній служитъ богослужебная практика, изображаемая въ апо-

стольскихъ постановленіяхъ (III в.). Такъ напр. въ этомъ памятникѣ діакону, по окончаніи рѣчи епископа, повелѣвается возглашать съ высокаго мѣста, «чтобы не было никого изъ слушающихъ и невѣрныхъ». Затѣмъ въ чинѣ литургіи слѣдуетъ молитва объ оглашенныхъ. По возгласу діакона: «помолитеся оглашенніи», всѣ вѣрующіе молятся о нихъ, говоря: «Господи помилуй»: такъ же отвѣчаютъ они и на всѣ другія возглашенія діакона. Послѣ того діаконъ по порядку обращалъ рѣчь къ бѣсноватымъ, просящимъ и кающимся и ихъ вмѣстѣ съ народомъ возбуждалъ къ молитвѣ. Отпустивъ всѣхъ торжественнымъ возглашеніемъ, діаконъ опять возбуждалъ къ молитвѣ вѣрныхъ за самихъ себя и за всю Христову Церковь: «Елиціи вѣрніи, преклонимъ колѣна. Помолимся Богу Христомъ Его» и т. д. (кн. VIII, гл. 5, 10). Что такова именно была въ древности, какъ и въ настоящее время, одна изъ обязанностей діаконскаго служенія, это видно между прочимъ изъ названія и назначенія одной изъ принадлежностей діаконскаго облаченія—имѣемъ въ виду *орарь*. Болѣе естественнымъ изъясненіемъ слова «орарь» представляется то, которое производитъ его отъ греч. сл. ὁράω—вижу, наблюдаю или отъ orare лат. молиться. По той или другой этимологіи орарь будетъ означать одежду, посредствомъ которой діаконы давали и даютъ къ молитвѣ знакъ. Полагаютъ, что орарь, съ указаннымъ назначеніемъ, введенъ въ богослужебное употребленіе издавна, по подражанію церкви ветхозавѣтной, гдѣ чтеніе закона и пророковъ заканчивалось словомъ *аминь*, которое произносилъ народъ и къ возглашенію котораго предстоятель синагоги подавалъ знакъ съ возвышеннаго мѣста посредствомъ колебанія особаго плата или ораря.—Побуждая народъ къ молитвѣ, діаконы имѣли въ тоже время власть обличать и исправлять тѣхъ, которые вели себя безпорядочно въ церкви. На эту обязанность діаконовъ указываютъ напр. постановленія апостольскія. «Если кто, говорится тамъ, окажется сѣдящимъ или стоящимъ не на своемъ мѣстѣ, да будетъ укоренъ отъ діакона, какъ распорядителя, и да приведется въ приличное ему мѣсто.... Діаконъ долженъ смотрѣть за народомъ, чтобы никто не шумѣлъ, не спалъ, не смѣялся, не разговаривалъ, ибо должно стоять въ церкви чинно, трезвенно, бодрственно, внимательно къ слову Божію» (кн. II, гл. 57). Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о безчинствующихъ въ церкви, велитъ подлѣ нихъ находящимся обличать ихъ и, если не послушаютъ,

призвать діакона, чтобы исполнилъ свою обязанность (бес. 24 на Дѣян.). Въ греческихъ церквахъ діаконы находились при дверяхъ во время совершенія Евхаристіи, какъ это видно опять изъ апостольскихъ постановленій: «діаконы должны стоять у дверей, которыми входятъ въ храмъ мущины, а иподіаконы у дверей женскихъ, дабы никто не входилъ и не отворялъ дверей во время причащенія, хотя бы то былъ и вѣрный (кн. VIII, гл. 11).

Вообще должно замѣтить, что до учрежденія низшихъ степеней іерархіи, каковы напр. должности чтецовъ, иподіаконовъ, заклинателей и проч., діаконы исполняли всѣ эти должности. Такъ Епифаній Кипрскій замѣчаетъ, что первоначально всѣ церковныя должности отправляемы были епископами, пресвитерами и діаконами. Тоже было и во времена св. Игнатія Богоносца, который не упоминаетъ ни объ одной степени, которая была бы ниже діаконской; слѣдовательно, всѣ низшія церковныя должности отправлялись діаконами. Даже и въ послѣдующіе вѣка, когда уже образовался цѣлый штатъ церковнослужителей, различныя низшія церковныя должности нерѣдко возлагались на одно и тоже лицо, быть можетъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы не обременять малыхъ церквей содержаніемъ многочисленнаго клира. Такъ Евсевій говоритъ, что Романъ мученикъ былъ и діакономъ и заклинателемъ въ Кесарійской церкви; Прокопій мученикъ въ одно и тоже время былъ чтецомъ, толкователемъ и заклинателемъ (Евс. О муч. Палест.—гл. 1 и 2). Но такъ было не долго. Съ умноженіемъ числа вѣрующихъ кругъ діаконскихъ должностей на столько расширился, что стали назначаться имъ помощники. Такъ было сначала въ обширныхъ и многолюдныхъ церквахъ, каковы напр. Римская и Карѳагенская, въ которыхъ разнаго рода низшія церковнослужебныя должности мы встрѣчаемъ въ началѣ III вѣка, между тѣмъ какъ во многихъ меньшихъ церквахъ даже въ IV и V вѣкахъ всѣ таковыя обязанности низшаго клира исправляли діаконы (Агуст. вопр. ветх. и Нов. зав. т. 4, гл. 101). Установленіе низшихъ церковныхъ должностей не могло съ другой стороны не вызываться и необходимостью такъ поставить діаконское служеніе, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало своей идеѣ, чтобы было служеніемъ поистинѣ священнымъ, служеніемъ главнымъ образомъ при совершеніи таинствъ.

Мы указали обязанности, выполнявшіяся діаконами на литур-

гійномъ богослуженіи, при совершеніи таинства причащенія. Но въ отношеніи богослужебномъ дѣятельность діаконовъ простиралась и далѣе. Такъ, по свидѣтельствамъ Тертуліанна и бл. Іеронима, въ ихъ время, какъ и во времена апостольскія, кромѣ епископа и пресвитера могли совершать таинство крещенія и діаконы. Мы упомянемъ, говоритъ Тертулліанъ, въ какомъ порядкѣ должно производиться совершеніе крещенія. Право совершенія его принадлежитъ прежде всего первосвященнику, т. е. епископу. Совершать его могутъ также священники и діаконы, но не безъ дозволенія епископа, дабы сохранить уваженіе къ Церкви въ ея начальникѣ» (О крещ. гл. XVII). Кириллъ Іерусалимскій даетъ наставленіе своимъ оглашеннымъ, какъ они должны вести себя, приходя въ городъ или село къ епископу, пресвитеру или діакону для принятія крещенія (Кир. Оглаш. 17). Но не должно впрочемъ полагать, что совершеніе крещенія, помимо пресвитеровъ и епископовъ, было правомъ только діаконовъ: въ древней Церкви, какъ и въ настоящее время, въ чрезвычайныхъ случаяхъ могли крестить не только діаконы, но и низшій клиръ и міряне. Обыкновенно же при совершеніи таинства крещенія діаконъ былъ служителемъ, помощникомъ епископа или пресвитера. Въ 3-й книгѣ Апост. постановленій (гл. 10) говорится, что право крещенія предоставлено епископамъ и пресвитерамъ, «при служеніи имъ діаконовъ». Въ чемъ именно состояло служеніе послѣднихъ, на это тоже есть краткое указаніе въ Апост. постановленіяхъ. Въ 3-й книгѣ (гл. 16) замѣчается, что по выходѣ изъ воды крещаемаго *воспринимаютъ*—мужчину діаконъ, женщину—діаконисса. По отношенію къ женщинамъ, принимавшимъ крещеніе, обязанность діакониссъ вообще состояла въ томъ, чтобы при крещеніи все устроять съ такимъ благообразіемъ, какого требуетъ святость таинства. Такъ напр., онѣ помазывали женщинъ предъ крещеніемъ св. елеемъ (Ап. пост. кн. III гл. 15). Затѣмъ на обязанности діакониссъ лежало приготовлять оглашенныхъ женъ къ крещенію и частнымъ образомъ, а не открыто, научать ихъ начальнымъ истинамъ христіанской вѣры. Бл. Іеронимъ называлъ это служеніемъ слова, каковое проходили діакониссы въ свое время въ восточныхъ церквахъ (Толк. на посл. къ Римл. 16. 1). Что выполняли діакониссы по отношенію къ женщинамъ, принимавшимъ крещеніе, то выполняли діаконы по отношенію къ мужщинамъ, тѣмъ болѣе что діаконы

имѣли право учительства открытаго, публичнаго, а не частнаго только. По свидѣтельству писателя книги «О церковной іерархіи» діаконы «съ приходящаго ветхую совлекаютъ одежду, а еще разуваютъ и къ западу для отрицанія поставляютъ и паки обращаютъ къ востоку (сія бо должность есть чина и силы очистительной), повелѣвая приходящимъ совершенно отложити первыя жизни одѣянія и показуя имъ тьму перваго житія, поучаютъ ихъ отвергшися отъ несвѣтлостей обратитися къ свѣтлостямъ», (стр. 94). Огласители, наставники имѣвшихъ принять крещеніе, вообще не составляли въ клирѣ отдѣльнаго класса. Должность эту исправлялъ иногда самъ епископъ, иногда пресвитеры, а также и діаконы. Послѣднее подтверждаетъ бл. Августинъ, свидѣтельствующій, что Деогратій былъ огласителемъ, состоя въ санѣ діакона въ Карѳагенѣ (Авг. объ оглаш. гл. 1). Изъ обязанностей или точнѣе правъ, имѣющихъ отношеніе къ совершенію богослуженія и присвоенныхъ въ древности діаконской степени, можно указать еще на право діаконовъ, въ случаѣ крайней нужды, принимать въ нѣдра Церкви кающихся. По обыкновенному порядку это было однимъ изъ правъ епископа, какъ верховнаго служителя Церкви, рѣдко позволялось пресвитерамъ и почти никогда не позволялось діаконамъ, за исключеніемъ случаевъ крайней нужды, именно когда не было ни епископа, ни пресвитера. Въ такомъ случаѣ діаконы, какъ получившіе особенное полномочіе отъ епископа, имѣли право возлагать на кого-либо руки, что было знакомъ принятія въ Церковь. Такъ было напр. поступлено съ кающимися, о которыхъ упоминаетъ Кипріанъ, и которыхъ мученики предлагали своими посланіями принять въ Церковь (Письмо 13 къ клир.). Помогая епископу и пресвитеру въ совершеніи богослуженія, преимущественно таинствъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы присутствующіе при богослуженіи вели себя чинно, діаконы, наконецъ, въ древности, какъ и въ настоящее время, имѣли попеченіе о св. трапезѣ и о всѣхъ священныхъ предметахъ, употреблявшихся при богослуженіи, и имѣвшихъ отношеніе преимущественно къ таинству причащенія. На восточной сторонѣ алтаря было особое отдѣленіе, куда діаконы переносили изъ особой большой ризницы св. одежды, сосуды и прочую утварь, чтобы все это было готово для совершенія литургіи. Мѣсто это называлось хранилищемъ священныхъ сосудовъ, такъ какъ оно находилось въ завѣдываніи діаконовъ, то называлось и *діаконикомъ*.

Но сферою чисто богослужебною обязанности діаконовъ не ограничивались. По идеѣ первоначальнаго установленія діаконской степени, діаконы, будучи сравнительно низшими священнослужителями въ тѣсномъ смыслѣ слова, продолжали вѣдать матеріальныя и нравственныя нужды вѣрующихъ и внѣ богослужебныхъ отношеній къ послѣднимъ. Св. Апостолъ Павелъ, указывая многоразличныя дарованія и служенія, установленныя въ Церкви Христовой, между прочимъ говоритъ о дарованіи *заступленія* или *вспоможенія* (по русскому переводу) (1 Кор. 12, 28). Это понятіе «заступленія» указываетъ на должность извѣстнаго лица, имѣвшаго своею обязанностью ходатайствовать за другихъ. Такую именно должность и выполнялъ въ древней Церкви діаконъ, которому, сверхъ исполненія имъ своихъ іерархическихъ обязанностей, поручалось епископомъ раздавать милостыню, имѣть попеченіе о сиротахъ, вдовицахъ, дѣвственницахъ, о находившихся подъ стражею за имя Христово и обо всѣхъ бѣдныхъ и больныхъ, содержавшихся на иждивеніи Церкви, входить въ ихъ недостатки и нужды и доводить о томъ до свѣдѣнія епископа (Апост. Пост. кн. II. гл. 30—32). «Стражемъ церковныхъ имуществъ», главнымъ распорядителемъ былъ собственно архидіаконъ, хотя, впрочемъ, по приказанію послѣдняго, пособіе раздавалось нуждающимся и прочими діаконами. Вотъ почему св. Амвросій Медіоланскій и другіе писавшіе о мученичествѣ архидіакона Лаврентія, повѣствуютъ, что когда языческій префектъ требовалъ у него церковныхъ сокровищъ, то онъ, пообѣщавъ, удовлетворить такому требованію, на слѣдующій день привелъ къ нему бѣдныхъ, нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, больныхъ, и сказалъ: «вотъ сокровища церковныя»! (См. Амвр. Мед. De offic. lib. II. c. 28).

Кромѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ вѣрующихъ, діаконы должны были также наблюдать за поведеніемъ и нравами народа, и доносить епископу о тѣхъ порокахъ, которыхъ не могли сами исправить (Ап. Пост. кн. II, гл. 44). Поэтому-то діаконы и назывались въ древности *очами, ушами, устами, правою рукою* и *сердцемъ* епископа. Послѣдній чрезъ нихъ все видѣлъ, все зналъ о жизни своихъ пасомыхъ. Чрезъ діаконовъ епископъ разсылалъ свои повелѣнія, и въ этомъ отношеніи они были его устами и сердцемъ; чрезъ нихъ онъ помогалъ бѣднымъ и несчастнымъ и такимъ образомъ они были его правою рукою. Въ апостольскихъ постанов-

леніяхъ діаконы въ томъ же смыслѣ называются «*ангелами* и *пророками* епископа» (кн. II, гл. 30); чрезъ нихъ, какъ своихъ вѣстниковъ, епископъ сносился съ своею паствою и съ посторонними церквами. Называли иногда въ древности діаконовъ вождями мірянъ или народа, даже пастырями и блюстителями стада Христова (Терт. De fug. cap. XI). Это потому главнымъ образомъ, что діаконы, помогая каждый въ отдѣльности своимъ служеніемъ епископу, сверхъ того, вмѣстѣ съ пресвитерами составляли епископскій совѣтъ, называвшійся соборомъ и совѣтомъ церковнымъ, совѣтомъ Христовымъ (Апост. пост. кн. II, гл. 28), которому епископъ сообщалъ все, касающееся его паствы, съ которымъ совѣтывался о важныхъ дѣлахъ. Св. Кипріанъ напр. съ самаго начала своего епископства положилъ за правилю ничего не дѣлать по одному своему усмотрѣнію, безъ совѣщанія, (св. Кипр. пасом. 16). Чтобы обобщить, по возможности кратко представить сказанное объ обязанностяхъ діаконскаго служенія, мы воспользуемся въ заключеніе тѣмъ, что говоритъ по этому предмету неизвѣстный авторъ книги «о церковномъ священноначаліи», приписываемой св. Діонисію Ареопагиту. «Чинъ служителей (діаконовъ) есть тотъ, который очищаетъ, несходная различаетъ, прежде допущенія къ священнодѣйствіямъ священниковъ, разсматриваетъ приходящихъ, и отъ противнаго очищаетъ ихъ, и дѣлаетъ священнодѣйственнаго зрѣнія и общенія достойными.... Чинъ убо діаконовъ есть очистительный, ко свѣтлымъ священниковъ священнодѣйствіямъ приводящій очищенныхъ, и несовершенныхъ очищающій и образующій ихъ очистительными словесъ осіяніями и ученіями; и сверхъ того неосвященныхъ отъ священниковъ отлучающій. Того ради священноначальничее законоположеніе приставляетъ его и къ священнымъ дверямъ, назнаменуя тѣмъ, что приступающихъ ко священнымъ приходъ долженъ быть совершенно чистый, потому что допускъ къ священному видѣнію и причастію оныхъ порученъ очистительнымъ силамъ, отъ которыхъ только не скверные и чистые впускаются» (тамъ же стр. 99—95). Изъ этихъ словъ, обобщающихъ вышесказанное объ обязанностяхъ діаконовъ, ясно видѣнъ общій характеръ діаконскаго служенія въ древне-христіанской Церкви. Служеніе различными путями дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія народа,—вотъ къ чему въ общемъ сводится дѣятельность діаконовъ. Въ самомъ дѣлѣ, діаконы прежде всего вводили въ лоно Церкви же-

лавшихъ присоединяться къ ней, научая послѣднихъ истинамъ той вѣры, которую они готовятся исповѣдывать. На нихъ затѣмъ лежало не мало заботъ о нравственномъ преуспѣяніи вѣрующихъ, изъ которыхъ «несовершенныхъ» они очищали и образовывали очистительными «словесъ осіяніями и ученіями» (ibid). Эта цѣль достигалась, какъ мы видѣли, наблюденіемъ надъ жизнью пасомыхъ вообще и въ частности надъ ихъ поведеніемъ при богослуженіи. Въ послѣднемъ случаѣ діаконы указывали время молитвы и побуждали къ ней; они наблюдали за благочиніемъ въ храмѣ; разсматривали приходящихъ и «приводили къ свѣтлымъ священниковъ священнодѣйствіямъ» только очищенныхъ; они же въ случаѣ надобности, «неосвященныхъ отъ священниковъ отлучали». Конечная цѣль религіозно-нравственнаго просвѣщенія пасомыхъ—достойное и благоплодное пріобщеніе со стороны послѣднихъ благодати Божіей чрезъ таинства, преимущественно чрезъ святѣйшее таинство Евхаристіи. Служеніе при совершеніи этого послѣдняго таинства было одною изъ главнѣйшихъ обязанностей діаконовъ, по отношеніи къ которой другія обязанности были въ нѣкоторомъ смыслѣ пріуготовительными. По крайней мѣрѣ эта обязанность, это *служеніе трапезамъ* (Дѣян. гл. 6) было первое по времени, пріуроченное къ новоучрежденной діаконской степени. Съ теченіемъ же времени къ этой обязанности, какъ мы видѣли, присоединились и многія другія, дающія право признать и назвать дѣятельность діаконовъ древней Церкви главнымъ образомъ просвѣтительно-педагогическою, въ духѣ христіанскаго ученія, подъ надзоромъ и руководствомъ пастырей церкви и архипастырей.

В. Знаменскій.

О нѣкоторыхъ выраженіяхъ требника въ послѣдованіи св. крещенія.

Высокій долгъ пастырской обязанности требуетъ правильнаго и точнаго исполненія по крайней мѣрѣ самаго необходимаго, съ чѣмъ священникъ встрѣчается ежедневно. Въ церковной практикѣ есть случаи, имѣющіе нужду въ поясненіи, особенно это необходимо при совершеніи важнѣйшаго и перваго изъ таинствъ—таинства св. крещенія. Въ требникѣ въ послѣдованіи св. крещенія изложены всѣ тѣ выраженія, по кото-

рымъ священникъ обязанъ совершать дѣйствія, сопровождающія самое таинство; но выраженія эти, требуютъ болѣе точнаго и опредѣленнаго изъясненія. Хотя въ требникѣ не выражено, какъ совершать дуновеніе, но въ практикѣ принято совершать дуновеніе при крещеніи всегда крестообразно, въ требникѣ же говорится только: «и дуетъ на лицо его трижды»... Въ началѣ послѣдованія св. крещенія, предъ огласительной молитвой и возложеніемъ руки на крещаемаго, священникъ обязанъ совершать дуновеніе трижды и непремѣнно всегда крестообразно. Крестообразное дуновеніе совершается согласно указанію учителя Церкви Симеона Солунскаго, какъ объ этомъ говорится у него въ 4-й главѣ о крещеніи. Послѣ дуновенія непосредственно слѣдуетъ благословеніе младенца. Такое же крестообразное дуновеніе совершается и послѣ четвертаго заклинанія, или четвертой запрещательной молитвы, какъ сказано въ нашемъ требникѣ. Въ требникѣ говорится: «и дуетъ священникъ на уста его, на чело, и на перси», это дуновеніе такъ же должно быть совершено непремѣнно крестообразно, по ученію вышеупомянутаго Симеона Солунскаго. Послѣ огласительныхъ молитвъ слѣдуетъ и самое послѣдованіе св. крещенія, въ которомъ при освященіи воды слѣдуетъ тоже троекратное дуновеніе, какъ выражено въ требникѣ: «и знаменуетъ воду трижды, погружены персты въ воду, и дунувъ въ ню»... Дуновеніе въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущихъ, совершаемое троекратно, совершается непремѣнно крестообразно, по указанію того же Симеона Солунскаго въ 5 главѣ о крещеніи. Въ послѣдованіи св. крещенія, послѣ освященія воды, предъ погруженіемъ крещаемаго въ купель, совершается помазаніе освященнымъ елеемъ. Въ данномъ случаѣ вошло въ практику нѣкоторыми священниками помазывать спину крещаемаго младенца. Въ требникѣ выражено такъ: «творитъ креста образъ на челѣ и персехъ и на междураміи». Изображая елеемъ крестъ на челѣ, священникъ произноситъ слова: во имя Отца и Сына и Св. Духа; на персехъ—«во исцѣленіе души и тѣла». При этомъ разумѣются и междурамія, означающія именно ту часть тѣла между плечами, которая спереди, а потому нѣтъ нужды поворачивать новорожденнаго задомъ и помазывать ему спину. Если бы междурамія дѣйствительно означали заплечія, то помазаніе спины непремѣнно совершалось бы и въ греческой церкви, тѣмъ болѣе, что самыя выраженія, читаемыя въ оригиналѣ, могутъ быть поняты лучше, нежели переводъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Въ книжкѣ «Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики», въ § 13 предложенъ вопросъ: какое понятіе соединять съ выраженіемъ междураміе, употребляемомъ въ послѣдованіи св. крещенія? Въ началѣ, повидимому, вопросъ этотъ рѣшается правильно; но далѣе авторъ говоритъ: нужно замѣтить, что оно (т. е. междураміе) въ церковно-славянскомъ язы-

кѣ употребляется безразлично въ томъ и другомъ числѣ, напримѣръ: «священникъ творитъ креста образъ на челѣ и на персехъ и на междураміи», а ниже сказано: «знаменуетъ его перси и междурамія»*. Приводя эти выраженія требника, авторъ очевидно принимаетъ слово «междураміи» за единственное число. Но чтобы правильно разсуждать и не говорить о безразличномъ употребленіи двухъ чиселъ, нужно предварительно правильно и внимательнѣе прочитать выраженія требника, гдѣ видно ясно, что въ обоихъ случаяхъ поставлено множественное число; въ греческомъ требникѣ въ первомъ случаѣ поставленъ родительный падежъ множественнаго числа, а во второмъ случаѣ винительный—множественнаго. Въ обоихъ случаяхъ такимъ образомъ употреблено множественное число, а не единственное, слѣдовательно здѣсь нѣтъ мѣста той оговоркѣ, которая находится въ этой замѣткѣ: «говорятъ однакожъ, что если бы словомъ междураміе имѣлось въ виду обозначить предплечіе, то оно и было бы поставлено во множественномъ числѣ». Церковно-славянскій переводъ нашего требника, строго придерживаясь греческаго оригинала, ставитъ въ первомъ случаѣ такъ же родительный падежъ множественнаго числа: междураміи, по русски, междурамій. Мышцы здѣсь означаютъ именно предплечія т. е. мочь физическую падшей природы человѣка, на которую и испрашивается въ семъ случаѣ исцѣленіе. Далѣе, въ требникѣ сказано: «и егда же помажется все тѣло». Судя по этому выраженію требника, слѣдовало бы помазать все тѣло новорожденнаго, но это у насъ не вошло въ церковную практику. У грековъ помазываютъ все тѣло новрожденнаго, согласно ученію Симеона Солунскаго, въ 6 главѣ о крещеніи, который въ указаніи своемъ поясняетъ, почему надлежитъ помазывать именно все тѣло. У грековъ помазаніе младенца освященнымъ елеемъ совершается такъ: принесенный елей, предъ погруженіемъ младенца, священникъ выливаетъ на руки воспріемника, который держитъ ихъ сложенными надъ купелью; освятивъ елей и читая положенную молитву, священникъ двумя перстами, какъ говорится въ требникѣ: «вземлетъ отъ елея и творитъ креста образъ»..; омоченными въ священный елей перстами помазываетъ крещаемаго, а оставшимся въ рукахъ елеемъ кумъ (кумбари) помазываетъ все тѣло младенца. (Нѣкогда по древнему церковному уставу это совершалось діаконами)**. Помазывается же все тѣло новорожденнаго, потому что самое погруженіе крещаемаго въ купель есть подобіе смерти: *мертвымъ быти убо грѣху, но живымъ же Богови*. Пресвитеръ помазываніемъ крещаемаго елеемъ какъ бы приготовляетъ его къ таинственному погребенію, какъ мертвеца, ибо отнынѣ онъ долженъ *помышлять мертвыхъ убо быти грѣ-*

* Сводъ замѣтокъ и указаній по вопросамъ пастырской практики стр. 69.
** Душеполезное чтеніе за 1877 г.

ху, но живыхъ же Богови о Іисусѣ Господѣ нашемъ, какъ читается при крещеніи въ положенномъ Апостолѣ. Въ греческомъ требникѣ при помазаніи елеемъ есть небольшое различіе съ нашимъ требникомъ, а именно: тамъ назначено помазывать прежде ноги а потомъ руки, вѣроятно, соотвѣтственно значенію произносимыхъ словъ: «во еже ходити ему по стопамъ заповѣдей», руки же помазываются въ этомъ случаѣ только какъ физическая сила человѣка. Въ послѣдованіи св. крещенія, послѣ молитвъ омовенія въ 8 день, предъ постриженіемъ власовъ, положено вытирать мѣста запечатлѣнныя св. мνромъ,—это вытираніе нѣкоторыми производится крестообразно, чего въ требникѣ не выражено, а сказано только: «кропитъ отроча и, взявъ губу новую, напоенную водой, отираетъ лице его съ главой и перси» и проч. Въ первые вѣка христіанства, когда ново-крещенный, носившій бѣлую одежду въ знакъ торжества въ продолженіи осми дней, приводился въ церковь, то окроплялся и умывался, какъ уже совершенно очищенный, каковое значеніе имѣло это дѣйствіе въ то время, потому что въ требникѣ «омылъ еси», повторяется два раза. Но въ послѣдующія времена, во избѣжаніе оскверненія св. мνра, еще съ древнихъ временъ, опредѣлено послѣ мνропомазанія, тутъ же при крещеніи, вытирать мѣста, запечатлѣнныя св. мνромъ, но не крестообразно, а просто вытирать губой (новой, какъ говорится въ требникѣ), хорошо намоченной водой, а не обрывочкомъ, который едва можно держать пальцами. Въ заключеніе нужно сказать, что у грековъ есть хорошій обычай крестить младенца непремѣнно въ теплой водѣ, а не въ холодной, какъ иногда дѣлается у насъ. Такому вполнѣ полезному обычаю слѣдовало бы подражать всѣмъ, при чемъ теплота воды можетъ имѣть символическое значеніе—всеисцѣляющей благодати Божіей; съ другой стороны, это вполнѣ отвѣчало бы правиламъ гигіены и предотвратило бы дурныя послѣдствія, бывающія иногда отъ погруженія младенца въ холодную воду. (Тав. еп. вѣд.).

За редактора *И. Лукинъ.*

Дозв. цензурою. 1885 г. 1 августа. Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Сергій.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.